УДК: 82.091 DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10112

Н. В. Зотов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ОЧЕРКЕ В. Г. КОРОЛЕНКО «ХОЛЕРНЫЙ КАРАНТИН НА ДЕВЯТИФУТОВОМ РЕЙДЕ» (1905)

Статья посвящена исследованию способов выражения авторского сознания в жанре очерка-расследования в творчестве В. Г. Короленко. В результате был сделан вывод, что публицистическая задача автора определила выбор жанра, в котором отразились такие приемы работы Короленко-журналиста с документальным материалом, как создание парадоксальных сюжетных ситуаций, моделирование возможных вариантов событий, ироническое комментирование документа.

Ключевые слова: авторское сознание, очерк-расследование, моделирование ситуации, парадоксальность, комментирование, семантические ряды.

Проблема исследования авторского сознания является одной из важнейших в современном гуманитарном знании, вокруг которой ведутся дискуссии, обострившиеся в отечественном литературоведении к концу 80-х годов XX века. Исследователи полагают, что теоретическое осмысление проблемы автора проходило в формах творческого диалога, часто приводившего к острому размежеванию различных плодотворных и тупиковых направлений в искусстве, поскольку речь шла о специфике художественного мышления, а не только о форме и смысле его присутствия [1].

По словам Т. Р. Пчелкиной, начало теоретического осмысления проблемы авторства относится к середине 50-х гг. XX столетия, когда в работах В. Виноградова и М. Бахтина были намечены основные подходы к ее решению [20. С. 23]. Так в работах В. В. Виноградова была теоретически обоснована концепция, согласно которой авторская интенция исследовалась как система форм и средств организации произведения, определяющих особенности повествования, а образ автора представлен как «особое и самостоятельное условие художественного и, в частности, стилевого своеобразия» [9. С. 108]. В теоретических суждениях М. М. Бахтина особое внимание было уделено функциональной значимости способов выражения авторской идеи в высказываниях монологического типа. Идея автора, по мнению ученого, является, «во-первых, принципом самого видения изображения мира, принципом выбора и объединения материала, принципом идеологической однотонности всех элементов произведения; во-вторых, идея может быть дана как более или менее отчетливый или сознательный вывод из изображенного; в-третьих, наконец, авторская идея может получить непосредственное выражение в идеологической позиции главного героя» [3. С. 94].

В поздних теоретических построениях М. М. Бахтина, считает А. А. Фаустов, автор представляется как явление иерархически организованное по принципу триады: биографический автор – первичный автор – вторичный автор [24]. При этом биографический автор – это исторически реальный человек, наделенный своей биографией, находится за пределами науки о литературе, а первичный – это автор-творец, находящийся вне события, созерцатель, занимающий существенную позицию вне события, понимающий смысл происходящего, но не вмешивающийся в него. Это позволяет автору извне «объединять, оформлять и завершать событие» [2. С. 33]. Вторичный автор, выявляющий себя в структуре и смысле художественного текста, – понятие иерархическое. Внутри него сплетаются ряды, образованные авторским словом и авторской идеей. «При этом, – уточняет современный исследователь, – речь идет о двух разных уровнях реализации авторской идеи: на одном из них идея спрятана в глубине текста, являя себя в структуре произведения (в его сюжете, композиции, хронотопе, жанре) и образуя наиболее высокий слой авторской идеи – авторскую позицию, на другом – открыто воплощена в авторском

голосе» [24]. Авторский голос как речь повествователя-рассказчика может быть отмечен особой интонацией, выражен графически и звучать на равных с голосами героев произведения.

В работах Б. О. Кормана авторское сознание рассматривается в категориях субъектных и внесубъектных форм, используемых автором в создании картины мира. При этом исследователь отмечает, что «<...> автор как носитель концепции произведения (именно это значение является ключевым для «теории автора») непосредственно в текст не входит, отсюда его опосредованность субъектными или внесубъектными формами» [17. С. 175].

Теоретические разработки категорий «образа автора», «авторское сознание» находят дальнейшее развитие в современных исследованиях Л. О. Бутаковой [5], А. Х. Вафиной [8], Т. Г. Галкиной [10], О. В. Журчевой [14], Н. В. Пращерук [18], П. И. Приходченко [19] и других ученых [7. С. 252]. Так, в работе Л. О. Бутаковой предложен подход, устанавливающий взаимообусловленность модели сознания автора и жанровых характеристик текста. По мнению автора, художественная модель мира представляет собой «в разной степени сложно устроенное, относительно стабильное эстетическое отражение действительности (когнитивно-ментальное, эмотивное, коммуникативное), в котором определенным образом организованные структурные элементы динамически соотнесены с имеющимися в сознании автора когнитивными моделями и концептуальными областями» [5]. Как следует из приведенной цитаты, при анализе особенностей выражения авторского сознания в художественном тексте необходимо учитывать динамическое соотношение структуры текста и структуры сознания, позволяющее не только анализировать художественный текст целостно, но и понимать его как динамическую совокупность вербальных средств, отражающих относительную стабильность переплавки индивидуальным сознанием реальной действительности. Автор полагает, что введение психофизиологической категории презумпции текста, которая дает возможность определить лингво-когнитивную специфику понятия «прозаическая модель мира», помогает построить модель авторского сознания.

Рассмотренные нами положения, касающиеся категории «авторское сознание», как правило, были результатом теоретического осмысления ее как категории художественного текста, в котором «образ автора – это внутренний стержень, вокруг которого группируются все стилистические системы произведения» [9. С. 181]. Что касается разработки теории автора в публицистическом тексте, то здесь, как считают исследователи, надо учитывать специфику публицистических жанров, рассчитанных на непосредственное воздействие текста на читателя, а также характер работы автора с документальным материалом, в котором отражена специфика функционирования авторского сознания. «В публицистике, – пишет М. Стюфляева, – в сравнении с литературой неизмеримо возрастают значение и масштабы документального автора. Его активность, реальное вмешательство в сюжет дают определенную отдачу и на сюжетном уровне» [22. С. 74–75], то есть именно способы обработки фактов, различных видов документальных материалов, по мнению исследователя, характеризуют особенности работы авторского сознания в публицистике.

М. И. Старуш считает, что другое важное направление в изучении авторского «я» представлено характеристикой структуры исследуемой категории, рассматриваемой с точки зрения функциональной специфики публицистического текста – его «оперативного воздействия на актуальную действительность» [21]. В связи с этим предложена двучленная классификация композиционно-смысловых вариантов выражения авторской позиции в публицистическом тексте, основанная на характеристике образа «действия» публициста по отношению к читателю: «я» действующее и «я» размышляющее. По словам М. И. Старуш, наиболее эффективным, с точки зрения исследователя, является стиль авторского «я» второй группы, предполагающий «совместную с читателем постановку проблемы, совместное изучение проблемы, благодаря которому журналист избегает навязывания своей точки зрения, подводит читателя как бы к самостоятельному решению» [21]. Продуктивному решению задач публицистического высказывания способствуют также и такие элементы, как моделирование автором публицистического текста условной сюжетной ситуации, суждение-сопоставление с личным прошлым опытом журналиста. Функциональная значимость этих элементов текста определяется логикой размышлений публициста, пафосом высказывания, а также фактом действительности и общественной ситуацией, ставшими отправной точкой публицистического высказывания.

Одну из важнейших особенностей работы творческого сознания В. Короленко первым отметил еще М. Горький, подчеркнув, что для Короленко было важно быть услышанным читателем,

вовлечь его в круг своих мыслей, поскольку его творчество всегда отличалось «неутомимой жаждою правды-справедливости» <...> стремлением «воплощения этой правды в жизнь» [12].

При исследовании специфики выражения авторского сознания в публицистике В. Г. Короленко следует учитывать, что его творчество представлено не только публицистикой и литературной критикой, которым он посвятил большую часть своей творческой жизни. Для художественного творчества писателя, так же, как и для публицистики, характерна опора на факт, вокруг которого выстраивалась образная система его произведений. Как отмечают исследователи, эта система претерпевала существенные изменения, заключавшиеся в том, что «свойственное его раннему творчеству противоречие между антропологическим и социологическим подходом к человеку» преодолевается и уже не рассматривается как нечто стабильное и неизменное, а понятие «природы» человека связывается не только с его биологическими особенностями, но и осознается как проявление социальных особенностей общества и среды [16. С. 175–176]. О том, что В. Короленко, «тонкий и изящный лирик», «мягкий и сердечный по натуре <...> становился суров и непреклонен, когда брался за оружие публициста», писал еще Б. Бялый [6. С. 13]. В последних работах, посвященных публицистике В. Короленко, дан подробный анализ тех изменений, которые произошли в исследовании этапов изучения его публицистического наследия [13], дана характеристика особенностей расследовательских методов В. Короленко-журналиста в контексте общего развития русской журналистики XIX–XX веков [4], предложен подход к изучению своеобразия художественно-публицистического наследия автора, обозначенный исследователем как «матричное мышление» [25. С. 180], то есть изучения функции повторяющихся, варьирующихся мотивов, идей, образов, к которым прибегал Короленко-журналист в своей практике.

Жанр очерка, по мнению историков литературы, является одновременно и рассказом, и исследованием, объединяющим две основные функции – художественную и научно-познавательную [11]. В современной теории жанров журналистики в качестве одной из важнейших черт очерка отмечается, что для очерка-расследования важно не только ответить на вопрос «почему?» стало возможным то или иное событие (факт реальной действительности), но и «как?» представить его читателю, причем «ответ на второй вопрос занимает в расследовании обычно львиную долю времени (в ходе расследования) и места (в самой публикации)» [11]. Учитывая основные теоретические подходы к исследованию особенностей художественно-публицистического сознания автора, можно проследить, как трансформировался в творчестве В. Короленко очерковый жанр, обратившись, например, к написанным в разное время очеркам-расследованиям («Драка у Апраксина двора» (1878 г.), «Мултанское жертвоприношение» (1896 г.), «Заметки публициста о смертной казни» (1910 г.) и другим материалам, используя в качестве контекста многие другие его малоизвестные публицистические тексты, находящиеся в фондах библиотеки имени В. И. Ленина в Москве, которые еще не введены в научный оборот.

Объектом исследования в нашей работе стал очерк «Холерный карантин на девятифутовом рейде. (Страничка из недавнего прошлого)» («Русское богатство» № 5 от 1905), к изучению которого еще не обращались представители научного сообщества, однако нам представляется, что тема настоящего очерка, посвященного анализу причин социальной напряженности общества во время карантина, актуальна в наше непростое время.

Очерк В. Г. Короленко «Холерный карантин на девятифутовом рейде. (Страничка из недавнего прошлого)» («Русское богатство» № 5 от 1905) был опубликован в журнале «Русское богатство» в 1905 году. В основу очерка был положен реальный факт – распространение в 1892–1896 гг. в обществе «холерной легенды», то есть убеждения, закрепленного в сознании простого народа, о сознательном стремлении кого-то «сеять заразу и смерть среди народа, что кто-то нарочно отравляет колодцы, что, наконец, врачи от кого-то получают приказы не лечить, а морить народ и закапывать живых людей в могилы» («Русское богатство» № 5 от 1905). Тогда, в 1893 году, очерк Короленко с анализом холерных беспорядков был задержан цензурой. В 1905 году угроза распространения болезни появилась вновь и В. Г. Короленко опять возвращается к этой теме.

Перед Короленко стояла конкретная задача – обнаружить причины распространения слухов и сформулировать их так, чтобы они стали действенным способом влияния на общественное сознание. Эта цель, а также выбор средства аргументации и убеждения определили жанровое своеобразие его публикации. Рассматриваемый нами материал написан в жанре очерка – журналистского расследования. Последствия распространения слухов о сознательной

нераспорядительности правительства в условиях эпидемии, которая охватила Астрахань, Дубовку, Царицын, Саратов, были ужасны: активность противодействию предпринятым мерам борьбы с холерой часто приводила к убийствам врачей и медицинского персонала, а действия полиции, жестоко усмирявшей народ, приводили к гибели участников протеста. Поэтому распространение «холерной легенды» в публикации В. Г. Короленко является, как говорит А. А. Тертычный «кричащим негативным явлением» [23]. Чтобы определить причины возникновения легенды и ее распространения, В. Короленко обращается к изучению документальных материалов – отчетов доктора-руководителя «карантинного» отряда, медицинского инспектора, инструкций высших чиновников, а также к публикациям о «холерном эпизоде» в прессе. Такой подход характерен для научно-исследовательской журналистики и отражает специфику «собирания фактов, а также их анализ, осмысление и использование в произведениях» [13. С. 178]. Этот подход позволял В. Короленко установить взаимосвязь явлений на основе анализа, казалось бы, незначительной детали, и использовать ее в логике расследования. Дедуктивный способ обнаружения скрытых причин явления – характерная черта очерка-расследования – приковывает внимание читателя, привлекаемого таким образом к логике суждений очеркиста, определившей структуру текста.

Очерк начинается с объяснения актуальности рассматриваемой автором темы: «призрак холеры опять появился на наших окраинах и ходит где-то недалеко» («Русское богатство» № 5 от 1905). Перечисляя меры, предпринимаемые властями по предотвращению проникновения болезни из Персии («о возможности холеры велась лишь бесплодная секретная переписка в недрах различных канцелярий…» («Русское богатство» № 5 от 1905)), В. Короленко из многочисленных эпизодов работы администрации выбирает наиболее бесполезные, но очень характерные. Так, в Астрахани, говорит В. Короленко, при подготовке к «борьбе» были сколочены повозки, напоминающие ящики для ловли собак, выкрашенные черной краской. Сообщая этот факт читателю, Короленко сопровождает его ироническим комментарием возможных умозаключений населения: «эти аппараты для ловли больных были заблаговременно готовы, и обывателю приходилось впредь утешаться мыслью, что случись с ним на улице дурно, – его ждет уже «приличное помещение»… («Русское богатство» № 5 от 1905). Эмоционально-образный эффект сообщения усилен семантическими рядами выражений, используемых обычно при описании боевых действий: «в тайниках канцелярии <...> переговоры велись наисекретнейшим образом: холера рассматривалась, как предстоящее нашествие иноплеменных, а меры борьбы с нею охранялись от преждевременного оглашения, как охраняются от нескромных взоров дипломатическая переписка или планы минных заграждений» («Русское богатство» № 5 от 1905). Сравнение-сопоставление актов администрации, направленных на борьбу с заразой, с тактикой военных действий убеждало читателя в том, что эта война была бюрократической и велась, как это часто бывает, на бумаге, а что касается конкретных мер (обеспечение медперсонала повозками), то они не были действенными в предупреждении распространения инфекции и только усугубляли негативную реакцию населения.

Как видим, путем комбинации различных «документальных улик» В. Короленко устанавливает причинно-следственные связи явлений и создает полную картину произошедших событий. Изучение документов приводит автора очерка к выводу о том, что «городское управление не имело самостоятельного голоса», «гласные думы», в каком-нибудь отношении противодействовавшие или не соглашавшиеся с намерениями администрации, немедленно попадали в «неблагонадежные» и в административном порядке лишались права отстаивать свою позицию, лишались «голоса».

Подробно Короленко комментирует факт распоряжения астраханского губернатора о создании «авангарда» борьбы с холерой. Согласно документу, четверо врачей во главе с доктором Арустамовым, один фельдшер, двое санитаров, повивальная бабка и повар должны были развернуть обсервационные пункты и организовать за пять дней карантин на Каспийском море в пункте, называемом «Девять футов». Эта задача, по словам автора, значительно превышала средства маленького отряда, который должен был по инструкции «тащить» больных на обсервацию и «не пущать» в Астрахань. Автор очерка, используя материалы отчетов доктора Арустамова («по минимальному расчету – на Девяти футах скопилось (одновременно!) до десяти тысяч человек» («Русское богатство» № 5 от 1905), сообщает, что маленький отряд, брошенный на борьбу с холерой, не имел практически ничего, что нужно для больных и умирающих, не было даже ни пищи, ни воды, но «обсервация» продолжалась «с такой неуклонностью, которая способна

повергнуть всякого стороннего наблюдателя в глубочайшее изумление перед необычайной энергией исполнителей» («Русское богатство» № 5 от 1905). Из всего отчета автор выбирает всего несколько слов для характеристики «ужасных сцен в роде Дантова ада» («Русское богатство» № 5 от 1905), описывая плач, жалобы и проклятия здоровых пассажиров, находящихся вместе с больными и умершими. Этот небольшой по объему фрагмент очерка обладает особой смысловой и эмоциональной выразительностью, так как «сухие» цифры отчета доктора подкрепляются Короленко образным сравнением положения людей, попавших в карантин, с прохождением кругов ада и дает однозначную оценку мер дезинфекции как ужасающего «бюрократического преступления».

В рассматриваемом очерке этот эпизод, построенный на фиксации парадоксального несоответствия мер, предпринятых правительством, и их результатом, становится одним из смысловых центров. Парадоксализм, как отмечает исследователь, является «весьма характерным свойством мировосприятия и творческой манеры писателя <...> осуществляющий понимание сложности и конфликтности бытия и одновременно – особой его гармонии, заключенной в сосуществовании и взаимодействии противоборствующих явлений и смыслов» [15]. Созданная в очерке картина самоотверженной борьбы с холерой маленького отряда, который совершал «настоящие чудеса», находясь «на службе у бессмысленных чиновничьих усмотрений», демонстрирует функциональную значимость приема парадокса: убедить читателя в том, что героизм врачей оказался «не только бесплодным, но прямо гибельным и вредным» («Русское богатство» № 5 от 1905).

Наряду с введением в текст очерка документальных материалов, В. Короленко включает в него фрагменты беллетристического характера, также по-своему оригинально используя прием парадокса. Имитируя разговоры посаженных на карантин при виде появившегося со стороны Астрахани пароходика – «наверное, это везут из Астрахани припасы, а может быть, даже приказ снять этот жестокий и нелепый арест баржей и пароходов в открытом море» («Русское богатство» № 5 от 1905) – В. Короленко соединяет образ надежды, зафиксированный в имитации чужой речи, с фиксацией реального факта. Когда пароход пристал к карантину, оказалось, что он привез гробы… И опять В. Короленко включает в повествование чужое слово, передавая таким способом оценку происходящего истомленной толпой, включая непрямую речь в созданную картину: «<…> приказано уморить еще столько людей, сколько прислано гробов… А там, – может подошлют еще…» («Русское богатство» № 5 от 1905). Реальный факт (присылка гробов на карантин) рассматривается публицистом как одна из причин возникновения слухов о намеренном уничтожении еще живых людей. Короленко приводит факты, легшие в основу «холерной легенды» и породившие «человеконенавистнический призрак, родившийся из невежества, тьмы и страдания» («Русское богатство» № 5 от 1905).

В исследовательской литературе уже отмечалось, что у В. Короленко «<…> эмоциональное осмысление жизни является не добавочным, а основным, имеет качественно важное значение», выполняя не только информативную, но и коммуникативную функцию, которая диктует способы, средства ее достижения [15]. Создавая портреты участников страшных событий, Короленко фиксирует внимание читателя на общей атмосфере, используя различные эмоционально окрашенные определения («землистые лица», «тяжелое настроение», «мрачный», «угнетенный», «недружелюбный»), которые не просто усиливают негативную оценку изображаемого, но и в значительной степени служат объяснением роста в народе глухого протеста, грозящего выплеснуться в прямое сопротивление властям.

Легенда и порожденное ею сопротивление облекаются Короленко в метафорический образ быстро распространяющегося пожара. Короленко указывает конкретное место возникновения легенды: искра, ставшая источником пожара, возникла на карантине в Каспийском море. Страшные подробности происходивших там событий, распространившись в виде слухов, стали поводом к многочисленным преступлениям: сжиганию холерных больниц и бараков, убийствам докторов, фельдшеров и сиделок. Следствием трагических событий стал суд, приговоривший зачинщиков смуты к смертной казни и каторжным работам. Но двери суда, чтобы при обсуждении действий «высших губернских администраторов» не уронить их престиж» («Русское богатство» № 5 от 1905), как всегда в таких случаях, подчеркивает Короленко, были закрыты. Именно поэтому малограмотная «темная» толпа была обречена на рождение мифа о сознательном уничтожении

народа. Рассказывая о последствиях событий, автор опять акцентирует парадоксальность ситуации, в результате завершившейся торжеством административного аппарата власти: «<...> когда пришло время «административных итогов», то все Поволжье узнало о... многочисленных наградах», а «образцовая кампания 1892 года была возведена в систему, в виде устава 11 августа 1903 года, благополучно существующего и доныне…» («Русское богатство» № 5 от 1905). Медицинский инспектор объяснил, что доктор Арустамов просто не понял инструкции, ему нужно было только задерживать больных, а пароходы отправлять обратно в море для дезинфекции. Чтобы до конца скомпрометировать действия администрации перед читателями, Короленко встает на сторону своих противников, соглашается с их доводами, и, не опровергая их, «переводит» инструкцию в пластический образ, в котором воплощает объяснение чиновниками того, что должно было быть сделано Арустамовым. Короленко моделирует ситуацию, доводя распоряжение до логического завершения. Он создает совершенно фантастическую картину появления в водах Каспия, между Баку и «Девятифутовым рейдом», «целой флотилии Летучего Голландца, осужденной, во имя инструкции, на бесконечную изоляцию в открытом море» («Русское богатство» № 5 от 1905). Появление в конце очерка образа армады таинственных кораблей с мертвецами необходимо Короленко не столько для разоблачения несостоятельности выводов медицинского инспектора, сколько для обнаружения антинародной политики государства. «Может быть, – пишет Короленко, – это и было бы настоящим торжеством обсервации, изоляции и дезинфекции, так как через некоторое время оставалось бы только потопить или сжечь бесприютные суда, на которых болезнь прекратилась бы «за отсутствием материала»… («Русское богатство» № 5 от 1905).

Особенности воплощения авторского сознания в очерке отразились в стремлении Короленко осуществить сплав документального и художественного, сопровождая приведенные документальные свидетельства эмоционально окрашенным комментарием. Активизируя восприятие, автор прибегает к приему парадокса, предлагая читателю увидеть в противоречиях действительности невозможность однозначной оценки происходящего, что обусловлено необходимостью решения главной публицистической задачи – указать на истинного виновника трагедии – неповоротливую государственно-бюрократическую машину, действия которой привели к трагическим последствиям распространения среди «темного» народа «холерной легенды».

Все остальные приемы (сюжетные решения событийных эпизодов, повторяющийся и варьируемый мотив «тайны», скрываемой от народа, моделирование условной ситуации, ироническое комментирование документов и т. д.), используемые Короленко в публицистическом высказывании, подчинены созданию образно-эмоциональной картины мира, в центре которой находится актуальная общественная проблема. Перечисленные нами особенности повествовательной структуры очерка позволяют воссоздать модель работы сознания автора, в которой ведущая роль может быть отведена воплощению в жизнь позиции борца «за правду-истину». Специфика авторской позиции публицистики В. Короленко определяется его активной жизненной позицией и исключительно редким сочетанием качеств личности писателя-художника и общественного деятеля-публициста.

Список литературы

1. Анастасьев, Н. Свой голос / Н. Анастасьев. – Текст : непосредственный // Вопросы литературы. – 1985. – № 3. – С. 57–96. – URL: https://voplit.ru/article/svoj-golos/ (дата обращения: 22.11.2020)

2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. –Москва: Худож. лит., 1975. – 502 с. – Текст : непосредственный.

3. Бахтин, М. М. Собрание сочинений В 7 т. / Ред: С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготишвили, И. Л. Попова; Русские словари, Языки славянской культуры. – Москва. – Том 6. Проблемы поэтики Достоевского / Ред: С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготишвили. – 2002. – 505 с. – Текст : непосредственный.

4. Бик-Булатов, А. Ш. Расследовательские методы В. Г. Короленко в контексте общего развития русской журналистики рубежа XIX–XX веков / А. Ш. Бик-Булатов. – Текст : непосредственный // Ученые записки казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 4. – С. 850–859.

5. Бутакова, Л. О. Авторское сознание как базовая категория текста: Когнитивный аспект: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Л. О. Бутакова. – Барнаул, 2001. – 459 с. – Текст : непосредственный.

6. Бялый, Г. А. В. Г. Короленко / Г. А. Бялый. – Ленинград: Художественная литература, 1983. – 350 с. – Текст : непосредственный.

7. Васильева, Т. И. Формы выражения авторского сознания в прозе Л. И. Бородина / Т. И. Васильева. – Текст : непосредственный // Проблемы истории, философии, культуры. – 2015. – № 2. – С. 252–256.

8. Вафина, А. Х. Формы выражения авторского сознания в автобиографической прозе Андрея Белого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2011. – 169 с. – Текст : непосредственный.

9. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – Москва: «Высшая школа», 1971. – 240 с. – Текст : непосредственный.

10. Галкина, Т. Г. Психолингвистическое обоснование методики исследования образов авторского сознания в художественном тексте (на материале прозы В. В. Набокова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2008. – 218 с. – Текст : непосредственный.

11. Глушков, Н. И. Очерк в русской литературе / Н. И. Глушков. – Ростов на Дону: Изд-во Рост. ун-та. – 1966. – 76 с. – Текст : непосредственный.

12. Горький, М. В. Г. Короленко / Собрание сочинений: В 30-ти т. / М. Горький; Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – Том 5, Литературно-критические статьи и воспоминания. – Москва. – 1953. – Текст : непосредственный. – URL: http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/v-g-korolenko.htm (дата обращения: 15.09.2020).

13. Данюк, А. Н. Основные этапы изучения публицистики В. Г. Короленко / А. Н. Данюк, И. П. Щеблыкин. – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки. Филология. – 2014. – № 4 (32). – С. 175–185.

14. Журчева, О. В. Формы выражения авторского сознания в русской драме XX века: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Самара, 2009. – 485 с.

15. Завельская, Д. А. Смысловое и художественное единство текста в произведения В. Г. Короленко: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва. – 1999. – 189 с. – Текст : непосредственный.

16. История русской литературы: в 4 т. / ред: Н. И. Пруцков и др.– Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1980–1983 / Аверин Б. В. Владимир Короленко. – Ленинград. – 1983.– С. 143–176. – Текст : непосредственный.

17. Кривонос, В. Ш. Б. О. Корман и М. М. Бахтин: спор об авторе / В. Ш. Кривонос. – Текст : непосредственный // Новый филологический вестник. – 2005. – № 1. – С. 173–181.

18. Пращерук, Н. В. Феноменология И. А. Бунина: авторское сознание и его пространственная структура: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 1999. – 367 с. – Текст : непосредственный.

19. Приходченко, П. И. Формы выражения авторского сознания в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Арзамас, 2008. – 173 с. – Текст : непосредственный.

20. Пчелкина, Т. Р. Проблема авторского самовыражения в литературоведении: история и перспективы изучения / Т. Р. Пчелкина. – Текст : непосредственный // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2012. – № 1. – С. 23–26.

21. Старуш, М. И. Авторское «я» в публицистическом произведении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1985. – 204 с. – Текст : непосредственный.

22. Стюфляева, М. И. Образные ресурсы публицистики / М. И. Стюфляева. – Москва: Мысль, 1982. – 176 с. – Текст : непосредственный.

23. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати: Уч. Пособие для студентов вузов / А. А. Тертычный – Москва: Аспект Пресс, 2000. – 312 с. – Текст : непосредственный.

24. Фаустов, А. А. К вопросу о концепции автора в работах М. М. Бахтина / А. А. Фаустов. – Текст : непосредственный // Формы раскрытия авторского сознания (на материалах зарубежной литературы). – 1986. – С. 3–10.

25. Фортунатов, А. Н. Коммуникативная матрица гуманизма В. Г. Короленко/ А. Н. Фортунатов. – Текст : непосредственный // Наследие В. Г. Короленко. Стратегии гуманизма;

Изд-во ННГУ; Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. Н. Фортунатова. – Нижний Новгород. – 2018. – С. 178–183.

SPECIFICS OF THE AUTHOR'S CONSCIOUSNESS EXPRESSION IN V. G. KOROLENKO'S ESSAY "CHOLERA QUARANTINE ON A NINE-FOOT ROADSTEAD" (1905)

Zotov N. V., Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky», Nizhny Novgorod (Russia), kolianzot@mail.ru

The article analyzes the features of the author's worldview in V. G. Korolenko's essay «Cholera quarantine on a nine-foot roadstead». Korolenkohad a specific creative task – to find the reasons for the spread of rumors and convey his conclusions to the public. This task, as well as the writer's personal humane attitude to the common man influenced the genre choice of his publication. In the course of the work, it was concluded that the author's journalistic task determined the choice of genre – the investigative essay, which reflected such techniques of Korolenko's work with documentary material as creating paradoxical plot situations, modeling possible variants of events, and ironic commenting on the document.

As a result, the conclusion was made, that the syncretically complex nature of the investigative essay, where the artistic principle is combined with the analytical one, helps Korolenko to penetrate the inner essence of the social phenomenon he is considering, truthfully depict the internal laws of reality and convey his humanistic idea. The author shows that the soulless official machine-the system of state power, grinds the fate and life of the common people and it threatens the consequences, indomitable as a natural disaster.

Key words: art, consciousness, essay-investigation, modeling of the situation, the irony, commenting, semantic series.

References

1. Anastas'ev, N. (1985). Svojgolos [Your voice]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 3, pp. 57–96. (in Russ.)
2. Bahtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Fiction, 502 p. (in Russ.)
3. Bahtin, M. M. (2002). Sobranie sochinenij v 7 t. [Collected works in 7 volumes]. Editor: S.G. Bocharov, L.A. Gogotishvili, I.L. Popova; Russkie slovari [Russian dictionaries].*Yazyki slavyanskoj kul'tury* [Languages of Slavic culture]. Moscow, Volume 6. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics], 505 p. (in Russ.)
4. Bik-Bulatov, A. Sh. (2018). Rassledovatel'skie metody V.G. Korolenko v kontekste obshchego razvitiya russkoj zhurnalistiki rubezha XIX–XX vekov [Investigative methods V.G. Korolenko in the context of the general development of Russian journalism at the turn of the XIX-XX centuries]. *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities], 4, pp. 850–859. (in Russ.)
5. Butakova, L. O. (2001). *Avtorskoe soznanie kak bazovaya kategoriya teksta: Kognitivnyj aspect* [Author's consciousness as the basic category of the text: Cognitive aspect], thesis abstract of the doctor of philological sciences. Barnaul, 459 p. (in Russ.)
6. Byalyj, G. A. (1983). *V. G. Korolenko* [V. G. Korolenko], Leningrad: Fiction, 350 p. (in Russ.)
7. Vasil'eva, T. I. (2015). Formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v proze L. I. Borodina [The forms of expression of the author's consciousness in the prose of L. I. Borodina]. *Problemy istorii, filosofii, kul'tury* [Problems of history, philosophy, culture], 2, pp. 252–256. (in Russ.)

8. Vafina, A. H. (2011). *Formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v avtobiograficheskoj proze Andreya Belogo* [Forms of expression of the author's consciousness in the autobiographical prose of Andrei Bely] : abstract of dissertation of the candidate of philological sciences. Kazan. 169 p. (in Russ.)

9. Vinogradov, V. V. (1971). *O teorii hudozhestvennoj rechi* [About the theory of artistic speech]. Moscow: «High school», 240 p. (in Russ.)

10. Galkina, T. G. (2008). *Psiholingvisticheskoe obosnovanie metodiki issledovaniya obrazov avtorskogo soznaniya v hudozhestvennom tekste (na materiale prozy V. V. Nabokova)* [Psycholinguistic substantiation of the methodology for studying images of the author's consciousness in a literary text (based on the prose of V.V. Nabokov)]: abstract of dissertation of the candidate of philological sciences. Barnaul. 218 p. (in Russ.)

11. Glushkov, N. I. (1966) Ocherk v russkoj literature [Essay in Russian literature]. Rostov on Don: Rostov University Publishing House, 76 p. (in Russ.)

12. Gor'kij, M. (1953) V.G. Korolenko [V.G. Korolenko] *Sobranie sochinenij: V 30-ti t.*[Collected works: In 30 volumes]. USSR Academy of Sciences. Institute of World Literature named after A.M. Gorky. Volume 5, Literaturno-kriticheskiestat'i i vospominaniya [Literary critical articles and memoirs], Moscow, available at: http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/v-g-korolenko.htm (accessed 15.09.2020) (in Russ.)

13. Danyuk, A. N. & Shcheblykin, I. P. (2014). Osnovnye etapy izucheniya publicistiki V.G. Korolenko [The main stages of the study of journalism V.G. Korolenko]. Gumanitarnyye nauki. Filologiya [Humanitarian sciences. Philology], 4 (32), pp. 175–185. (in Russ.)

14. Zhurcheva, O. V. (2009). Formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v russkoj drame XX veka [Forms of expression of the author's consciousness in the Russian drama of the XX century]: thesis abstract of the doctor of philological sciences. Samara. 485 p. (in Russ.)

15. Zavel'skaya, D. A. (1999). Smyslovoe i hudozhestvennoe edinstvo teksta v proizvedeniya V. G. Korolenko [The semantic and artistic unity of the text in the works of V. G. Korolenko]: abstract of dissertation of the candidate of philological sciences. Moscow, 189 p. (in Russ.)

16. Istoriya russkoj literatury: v 4 t. (1983). [History of Russian literature: in 4 volumes].editor: N. I. Prutskov et al. - Leningrad: Science, Leningrad Branch, 1980-1983 / Averin B. V. *Vladimir Korolenko* [Vladimir Korolenko], Leningrad, pp. 143-176 (in Russ.)

17. Krivonos, V. Sh. (2005). B. O. Korman i M. M. Bahtin: spor ob avtore [B. O. Korman and M. M. Bakhtin: a dispute about the author]. *Novyj filologicheskij vestnik* [New philological bulletin], 1, pp. 173–181. (in Russ.)

18. Prashcheruk, N. V. (1999). Fenomenologiya I.A. Bunina: avtorskoe soznanie i ego prostranstvennaya struktura [Phenomenology I.A. Bunin: author's consciousness and its spatial structure]: thesis abstract of the doctor of philological sciences. Ekaterinburg. 367 p. (in Russ.)

19. Prihodchenko, P. I. (2008). Formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v romane M. A. SHolohova «Tihij Don» [Forms of expression of the author's consciousness in the novel by M. A. Sholokhov «Quiet Don»]: 173 p. (in Russ.)

20. Pchelkina, T. R. (2012). Problema avtorskogo samovyrazheniya v literaturovedenii: istoriya i perspektivy izucheniya [The problem of author's self-expression in literary criticism: history and perspectives of study]. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovacionnyj aspect* [Modern higher school: an innovative aspect], 1, pp. 23–26. (in Russ.)

21. Starush, M. I. (1985). Avtorskoe "ya" v publicisticheskom proizvedenii [The author's "I" in a publicistic work: the author's]: abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences. Moscow, 204 p. (in Russ.)

22. Styuflyaeva, M. I. (1982). *Obraznye resursy publicistiki* [Figurative resources of journalism], Moscow: Idea, 176 p. (in Russ.)

23. Tertychnyj, A. A. (2000). Zhanry periodicheskoj pechati: Uch. Posobie dlya studentov vuzov [Genres of periodicals: Textbook for university students], Moscow: Aspect Press, 312 p. (in Russ.)

24. Faustov, A. A. (1986). K voprosu o koncepciiavtora v rabotah M. M. Bahtina [To the question of the author's concept in the works of M. M. Bakhtina]. *Formy raskrytiya avtorskogo soznaniya (na materialah zarubezhnoj literatury)* [Forms of disclosure of the author's consciousness (based on materials from foreign literature)], pp. 3–10. (in Russ.)

25. Fortunatov, A. N. (2018). Kommunikativnaya matrica gumanizma V. G. Korolenko [Communicative matrix of humanism V.G. Korolenko]. *Nasledie V. G. Korolenko. Strategii gumanizma* [Legacy of V.G. Korolenko. Strategies for humanism], Publishing house of the Nizhny Novgorod State University; Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference, Nizhnij Novgorod, pp. 178–183. (in Russ.)

Зотов Николай Владимирович, аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

kolianzot@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Зотов Н. В. Специфика выражения авторского сознания в очерке В. Г. Короленко «Холерный карантин на девятифутовом рейде» (1905) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 1 (39). С. 115–124. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10112.

Zotov N. V. Specifics of the author's consciousness expression in V. G. Korolenko's essay “Cholera quarantine on a nine-foot roadstead” (1905) // Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2021. No 1 (39), pp. 115–124. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10112.